

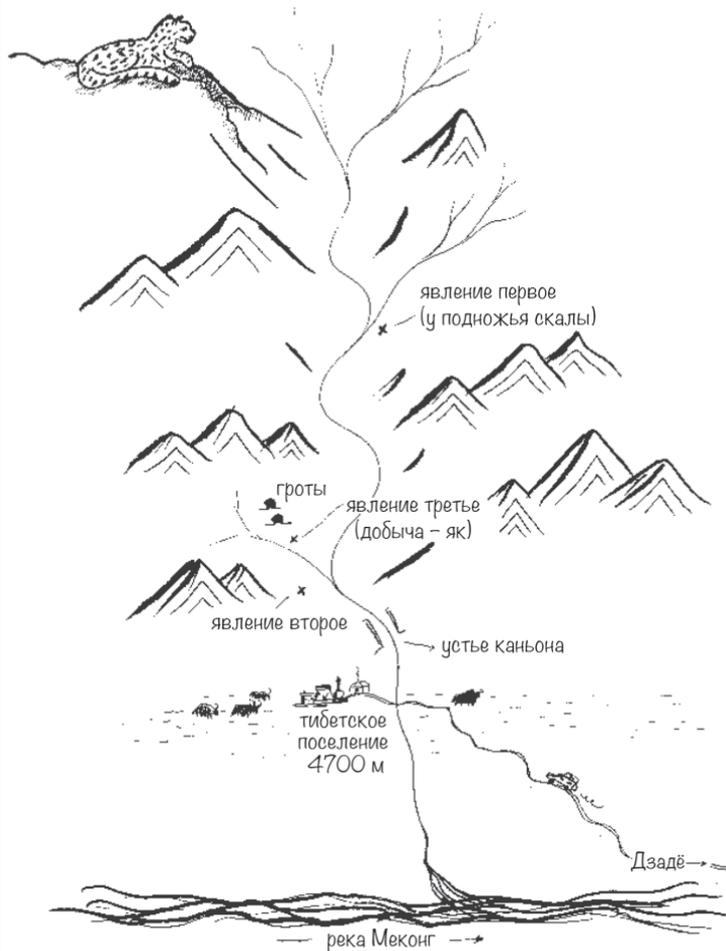
Матери львенка

Самки обычно не так смелы, как самцы; исключение составляют медведи и пантеры: у этих видов смелее, видимо, самки.

Аристотель. История животных, IX

Долина Меконга
Каньон
около Дзадэ

1000 м

Предисловие

Впервые мы встретились как-то на Пасху — после демонстрации его фильма об абиссинском волке. Он говорил, что звери неуловимы и что высшая добродетель — терпение. Он поведал мне о жизни фотографа-анималиста, рассказал, как сидят в засадах. Хрупкое и изысканное искусство: нужно маскироваться под природу и ждать зверя, не имея ни малейшей уверенности, что он появится. Весьма велики шансы вернуться несолоно хлебавши. Он принимал неопределенность, и это показалось мне очень благородным. В нем было, кроме всего прочего, что-то как будто противостоявшее современности...

А вот я, привыкший мотаться по дорогам и по подмосткам, — смог бы я часами сохранять неподвижность и не издавать ни звука?

Мы затаились в зарослях крапивы, и я во всем слушался Мюнье: ни малейшего жеста, ни малейшего звука. Единственное из самых привычных вещей, что разрешалось, — дыхание. Шляясь Болтаясь по городам, я усвоил привычку непрерывно болтать — труднее всего было умолкнуть. Сигары — под строгим запретом. «Покурим позже, там, на откосе, — будет темно и ляжет туман!» —

сказал Мюнье. Перспектива выкурить гавану на берегу Мозеля позволяла переносить лежачую позу наблюдателя.

Птицы рассекали вечерний воздух в грабовой чаще. Вокруг взрывалась жизнь. Птицы не тревожили покоя гения места. Причастные к этому миру, они не нарушали порядка. Царила красота. В ста метрах текла река. Эскадры хищных стрекоз парили над водой. На западном берегу пускался в разбой дворянчик-сокол. Точный, как ритуал, смертоносный полет — пикирующий бомбардировщик.

Но расслабляться было не время: из норы показались два больших барсука.

Спускалась ночь, и под покровом тьмы мы умилялись, как они забавны и вместе с тем — грациозны и мощны. Должно быть, барсуки дали знак: из лаза показались четыре головы, скользнули четыре тени. Начались сумеречные игры. Наша засада была в десяти метрах, звери нас не замечали. Барсучата боролись, карабкались по земляному склону, скатывались в яму, покусывали друг друга затылки, получали оплеухи от взрослого, приглядывавшего за этим вечерним цирком. Черные меховые спины с тремя полосами цвета слоновой кости исчезали в листве, появлялись где-то в другом месте. Звери вышли на охоту — рыскать по полям и у берега. Они разминались перед ночной прогулкой.

Случалось, что один из барсуков подходил совсем близко: был виден вытянутый длинный профиль; голова поворачивалась — он превращался в фас. Темные полосы меланхолическими линиями очерчивали глаза. Зверь подходил еще ближе, ступая на всю стопу; можно было различить его скошенные внутрь мощные лапы. Когти этого малень-

кого медведя отпечатывались в земле Франции; какая-то древняя порода людей, не слишком еще осознававшая себя, нарекла их следами зла.

Такое было со мной впервые — спокойно ждать в надежде на встречу. Я не узнавал себя! Я, исходивший и исколесивший пространства от Якутии до департамента Сена-и-Уаза, всегда раньше придерживался трех принципов.

Неожиданное никогда не приходит само — его надо подстергать.

Движение оплодотворяет вдохновение.

Скука бежит медленнее, чем человек, устремляющийся вперед.

Можно сказать, я был убежден, что значимость события связана с тем, насколько оно далеко. Неподвижность — генеральная репетиция смерти. Моя мать покоится в склепе на берегу Сены; почтение к ней заставляло меня исступленно мотаться: суббота — горы, воскресенье — морские пляжи. Я не обращал внимания на то, что происходит вокруг. И вот — тысячи километров пути однажды приводят вас к откосу над рекой, где вы лежите подбородком в траву...

Рядом со мной — Венсан Мюнье; он фотографирует барсуков. Мускулистое тело, скрытое камуфляжем, сливается с растительностью, но в слабом свете пока виден профиль. Внятно очерченное длинной острой линией лицо, вылепленное, дабы командовать; нос — повод для насмешек азиатов, скульптурный подбородок и очень мягкий взгляд. Добрый великан.

Мюнье рассказывал о детстве: отец брал его с собой в лес, и они прятались под елкой, дабы присутствовать при пробуждении короля, то есть большого тетерева-глухаря. Отец, рассказывавший, что

обещает тишина; сын, открывавший ценность ночей на замерзшей земле; отец, объяснивший, что высшее вознаграждение за любовь к жизни — появление зверя; сын, который начинал подстерегать зверей и постигать секреты устройства мира в одиночку, учился брать в объектив полет козодоя. Отец, открывавший для себя художественные фотографии сына. Сорокалетний Мюнне, что лежит сейчас рядом со мной, родился теми ночами в горах Вогезов. Он стал фотографом зверей, самым великим для своего времени. Его безупречные образы волков, медведей и журавлей продаются в Нью-Йорке.

«Тессон, — сказал он, — я поведу тебя в лес смотреть барсуков». И я согласился, потому что никто не отказывается от предложения художника посетить его мастерскую. Он не знал, что на старофранцузском *тессон* означало *барсук*. В некоторых говорах на западе Франции и в Пикардии их и сейчас еще так называют. Слово *тессон* возникло в результате деформации латинского *taxos*. Отсюда же *таксономия* — наука о классификации животных, *таксидермия* — искусство делать чучела животных (человек ведь любит сдирать шкуру с того, кому только что придумал имя). На военных картах Франции попадаете термин *tessonières* — открытые луга, пространства, выжженные когда-то прежде огнем жертвоприношений. Ибо в сельской местности барсука ненавидели и неизменно уничтожали. Зверю вменялось то, что он роет землю и делает дыры в изгородях. Его выкуривали и убивали. Заслуживало ли это тихое ночное животное озлобления со стороны людей? Одинокий зверь стремится быть незаметным, царит в сумраке и терпеть не может гостей. Он знает, что свой мир

приходится защищать. И он вылезает из убежища ночью, чтобы на рассвете скрыться опять. Вот человеку и приходится сносить существование этого таинственного тотема, соблюдающего дистанцию и гордо хранящего безмолвие. Биологические описания сообщают, что барсук — «моногамное и оседлое» животное. Этимология связывает меня с этим животным, но по природе своей я на него непохож.

Спустилась ночь, звери разошлись по чаще, откуда раздавалось шуршание. Мюнье, должно быть, заметил мою радость. Эти был один из самых прекрасных вечеров в моей жизни. Я повстречался с абсолютно свободными живыми существами. Они не вели неустанной борьбы, чтобы вырваться из обстоятельств. Вдоль берега мы возвращались на дорогу. Я раздавил в своем кармане сигары.

— В Тибете есть зверь, за которым я гоняюсь шесть лет, — сказал Мюнье. — Он живет на плато. Чтобы его увидеть, надо забираться очень далеко. Зимой я отправляюсь туда опять. Давай со мной.

— Что за зверь?

— Пантера горных снегов*, — ответил он.

— Я думал, она исчезла, — сказал я.

— Это она хочет, чтобы мы так думали.

---

* Переводчику известно, что *panthère des neiges* по-русски — это снежный барс или ирбис. Однако прекрасное трудноуловимое существо, на поиски которого отправляются герои книги Сильвена Тессона, — женского рода... Поэтому и по-русски здесь будет употребляться не точное видовое название животного, а более широкий термин — пантера. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часть первая
СБЛИЖЕНИЕ

Мотив

Пантеры снегов занимаются любовью на белоснежных просторах, как тирольские проводники. Период течки у пантер наступает в феврале. Укутанные в меха, они живут как будто внутри кристалла. Самцы дерутся, самки отдаются, партнеры призывают друг друга. Мюнье предупредил: этого зверя можно встретить лишь на высоте четырех-пяти тысяч метров над уровнем моря и посреди зимы. Наградой за тяготы предприятия, может быть, станет радость явления. Примерно как Бернадетте Субиру в Лурде. У маленькой пастушки в пещере, надо думать, мерзли коленки, однако лицемерие Девы Марии в ореоле божественного света стоило, наверное, всех страданий.

Слово «пантера» звенело, как драгоценность. Ничто не гарантировало встречу с ней. Подстеречь зверя — рискованная задача: может не повезти, и вы никого не встретите. Некоторые не обращают внимания на эту формальность и находят удовольствие в ожидании. Однако, дабы удовлетворяться надеждой, нужно обладать духом философа. Я, увы, не той породы. Я желал во что бы то ни стало увидеть зверя, хоть такт и не позволял мне признаться Мюнье в этом горячем нетерпении.

На горных пантер повсеместно охотятся браконьеры; этот промысел — еще один довод совершить путешествие. Можно было оказаться у тела раненого.

Мюнье показал мне фотографии из предыдущих экспедиций. Мощный, грациозный зверь. Электрические блески — по меху, лапы внизу — как блюдца, длиннющий хвост — балансир. Пантера приспособилась жить в местах, непригодных для жизни, и карабкаться по утесам. Дух гор, снизошедший на землю, пантера царствовала до тех пор, пока беспредельная прыть человека не заставила ее отступить и спрятаться.

Этот зверь напоминал мне о женщине, отказавшейся следовать за мной. Дочь лесов, царица источников, подруга зверей. Я любил ее и потерял. Инфантильный внутренний взгляд бесплодно ассоциировал воспоминания о ней с недостижимым существом. Весьма банальный признак: когда вам кого-то недостает, мир вокруг принимает его форму. Если мне уготована встреча со зверем, я скажу ей потом, что это именно ее я увидел там, зимним днем на заснеженном плато. Такая магия... Боясь показаться смешным, я не говорил тогда об этом ни с кем из друзей. Но думал без конца.

В путь отправлялись в начале февраля. Для облегчения багажа я нацепил высокогорное снаряжение на себя и уселся в электричку до аэропорта в арктической куртке и в китайских армейских ботинках для длительной ходьбы. Вряд ли следовало так поступать. В вагоне ехали два парня народности фульбе — два прекрасных рыцаря печального образа, и молдаванин, терзавший на аккордеоне Брамса, однако все уставились на меня, одетого в нелепый костюм. Я выглядел экзотичнее всех.

Взлетели. Покрыть за десять часов расстояние, которое Марко Поло преодолевал четыре года, — вот оно, определение прогресса (а стало быть — печали). Мюнье очень по-светски представил нас друг другу в воздухе. Я приветствовал друзей, с которыми собирался провести месяц: гибкую Мари, невесту Мюнье, снимающую кино про животных, влюбленную в дикую жизнь и в скоростные виды спорта, и дальнзоркого Лео, полного сумбурных мыслей, глубокого и потому молчаливого. Мари сняла один фильм о волке, другой о рыси — о зверях-охотниках. Теперь она летела снимать новый — о двух объектах своей любви: пантерах и Мюнье. Лео же два года назад забросил диссертацию по философии и стал адъютантом Мюнье. Тому нужен был в Тибете усердный помощник — сооружать засады, налаживать аппаратуру, коротать вечера. Что до меня, я не представлял себе, какая роль может стать моей... Я неспособен носить тяжести из-за травмы позвоночника, совсем не умею фотографировать и ничего не понимаю в выслеживании животных. Моей задачей было не тормозить других и не чихнуть ненароком, появившись вдруг пантера. Мне преподносили Тибет на блюдечке. Я отправлялся искать неуловимое животное, и моими спутниками были чудеснейший из художников, женщина-волчица и задумчивый философ.

— «Банда четырех» — вот мы кто, — произнес я, когда самолет шел на посадку в Китае.

Зато умею пошутить.